

Формирование политического евроскептицизма в Сербии

Евроскептицизм возник и сформировался в современной Сербии (после свержения режима С. Милошевича 5 октября 2000 г.) из-за усталости общества от бесконечности процесса евроинтеграции, постоянного выдвигания Брюсселем все новых условий — от выдачи практически всего руководства Югославии, краинских и боснийских сербов, до ползучего признания отделения Косова. Главной причиной нарастания евроскептических настроений в Сербии стало очевидное отсутствие осязаемой перспективы реального членства страны в Евросоюзе. Не прошло и 17 лет после свержения Милошевича, как в сентябре 2017 г. Евросоюз наконец обозначил хоть какой-то конкретный срок возможного принятия в свой состав Сербии и Черногории — 2025.

Парадокс современной сербской политики — евроскептические или антиЕСовские настроения, носящие фундаментальный характер (до 40 %, по опросам), не имеют адекватного политического представительства в парламенте страны.

Объективно Сербия имеет все основания для стремления в Евросоюз — страна окружена членами ЕС, на него приходится 87 % ее внешней торговли, в Европе проживает многочисленная (сотни тысяч человек) диаспора выходцев из Сербии, чьи денежные перечисления играют важную роль в экономике страны. Культурно, исторически, экономически страна неразрывно связана с Европой.

Перед распадом СФРЮ она далее всех стран Восточной Европы прошла по пути евроинтеграции, и эта идея практически не имела альтернатив в общественном сознании югославов, в том числе и жителей Сербии, и сербов в

других федеральных республиках (прежде всего, в Хорватии и в Боснии и Герцеговине). Неслучайно одним из лозунгов движения за независимость Словении стал лозунг «Европа здай» («Европа сейчас»), отражавший стремление наиболее экономически развитой республики к немедленной интеграции в тогдашнее ЕЭС, не дожидаясь «отсталых» «кожных собратьев».

Однако с начала 1990-х гг. Европа бурно развивалась, в том числе экономически и технологически, тогда как Сербия пережила десятилетие неудачных войн, международной изоляции, экономических кризисов, разрушения инфраструктуры в ходе бомбежек НАТО 1999 г., потеряла значительную часть национальной территории (Косово и Метохию).

При свержении власти Слободана Милошевича 5 октября 2000 г. одним из главных лозунгов оппозиции была нормализация отношений с внешним миром, выход из международной изоляции и, как неотъемлемая часть этого — возвращение и Сербии и тогдашней СРЮ (Союзной Республики Югославии) «в семью европейских народов».

Эти лозунги активно принимались населением, флаги Евросоюза стали неотъемлемым элементом символики массовых выступлений. Фактически именно ЕС монополизировал в Сербии позитивный образ Запада, так как прежние популярность США и относительно нейтральное восприятие НАТО были существенно подорваны агрессией 1999 г. Через считанные дни после свержения С. Милошевича новый президент СРЮ В. Коштуница на саммите ЕС во Биаррице 8 октября 2000 г. подписал соглашение о присоединении страны к Процессу стабилизации и ассоциации, объявленной в 1999 г. программе включения в ЕС, в том числе и постъюгославских государств¹.

Проевропейские, а точнее проЕСовские, настроения характерны для всех правительств СРЮ, государственно-общественного сообщества Сербии и Черногории и независимой Сербии после 1990 г. Евроинтеграция страны была обозначена в качестве приоритета ее внешней политики еще в 2000 г. и с тех пор остается не подлежащей пересмотру константой безотносительно к смене правящих коалиций и партий.

Основными вехами на европейском пути Белграда являются подписание соглашения о визовых льготах и соглашения о реадмиссии с ЕС 18 сентября 2007 г. (соглашение о безвизовом въезде в ЕС вступило в силу с 19 декабря 2009 г.), подписание договора о стабилизации и ассоциации с ЕС (его ратификация странами ЕС завершилась к середине 2013 г.) и переходного торгового соглашения 29 апреля 2008 г., подача Сербией заявки на вступление в ЕС 22 декабря 2009 г., предоставление Еврокомиссией Сербии статуса страны-кандидата на вступление 19 апреля 2013 г. и официальное начало переговоров о вступлении Сербии в ЕС 21 января 2014 г.².

ЕС стал играть все большую роль в Белграде и, пользуясь популярностью идеи интеграции в сербской политической элите, активно использовал ее как инструмент давления для принуждения властей Сербии к исполнению тех или иных условий. Так, до 2010 г. неперенным условием евроинтеграции ставилось сотрудничество страны с МТБЮ, то есть выдача Белградом лиц, обвиненных трибуналом. Центральным элементом «сотрудничества с трибуналом» явились розыск, задержание и выдача лидеров боснийских сербов в войне 1992–1995 гг. — президента Радована Караджича (2008 г.) и главы Главного штаба АРС генерала Ратко Младича (2011 г.). Помимо Р. Караджича и Р. Младича власти страны были принуждены выдать (или принудить к добровольной явке в трибунал) десятки политиков, генералов и офицеров, фактически все высшее руководство страны и вооруженных сил в 1990-х гг.

В середине 2000-х гг. именно главный прокурор МТБЮ являлся ключевой фигурой в процессе евроинтеграции Сербии, от его оценки «кооперативности» правительства зависело прохождение страной многочисленных фаз интеграционного процесса.

При этом сам по себе МТБЮ так и не завоевал в Сербии репутации беспристрастного и справедливого суда. Трибунал воспринимался как в массовом сознании, так и значительной частью элит как политический инструмент, предназначенный возложить всю ответственность за кро-

вавый распад Югославии, за конфликты и преступления в ходе «войн за югославское наследство» в 1990-х гг. исключительно на сербов и снять ответственность с других сторон конфликтов (с бошняков, косовских албанцев и хорватов), равно как и с лидеров великих держав Запада. Естественно, что «сотрудничество» с воспринимаемым таким образом учреждением не могло быть популярным в стране, и власти шли на него крайне неохотно, под мощным внешним политическим и экономическим давлением.

Непопулярность МТБЮ неизбежно транслировалась и на поддерживающие его структуры, в первую очередь и на ЕС. В ходе всего первого десятилетия XXI в. Брюссель был настолько уверен в своей притягательности и безальтернативности для балканских государств, включая Сербию, что не видел потребности в «борьбе за умы и сердца» и не обращал внимание на очаги недовольства в регионе.

Хотя правительство президента Бориса Тадича в ущерб своей популярности пошло на выдачу главных «гаагских беглецов» Р. Караджича и Р. Младича, но практически сразу оно столкнулось с новым блоком жестких требований, связанных с еще более болезненной косовской проблемой. Уже осенью 2011 г. депутаты немецкого бундестага огласили в качестве условий вступления Сербии в ЕС признание Белградом независимости Косова. Даже для весьма уступчивого правительства Тадича, максимально уклонявшегося от сколько-нибудь жестких реальных мер в отношении самопровозглашенного государства, оказалось невозможным пересечь «красную черту» в косовском вопросе.

Наиболее важным практическим результатом процесса евроинтеграции для населения стало предоставление в декабре 2009 г. т.н. «белого шенгена» — права на безвизовый въезд в Шенгенскую зону. Безвизовый въезд в Евросоюз облегчил как трудовую миграцию, так и выезд на учебу для молодежи, а также упростил контакты с родственниками, осевшими в европейской диаспоре. Как раз визовые ограничения были одним из наиболее болезненных проявлений международной изоляции страны в

1990-х гг. на фоне воспоминаний об относительной легкости заграничных поездок в последние десятилетия существования СФРЮ.

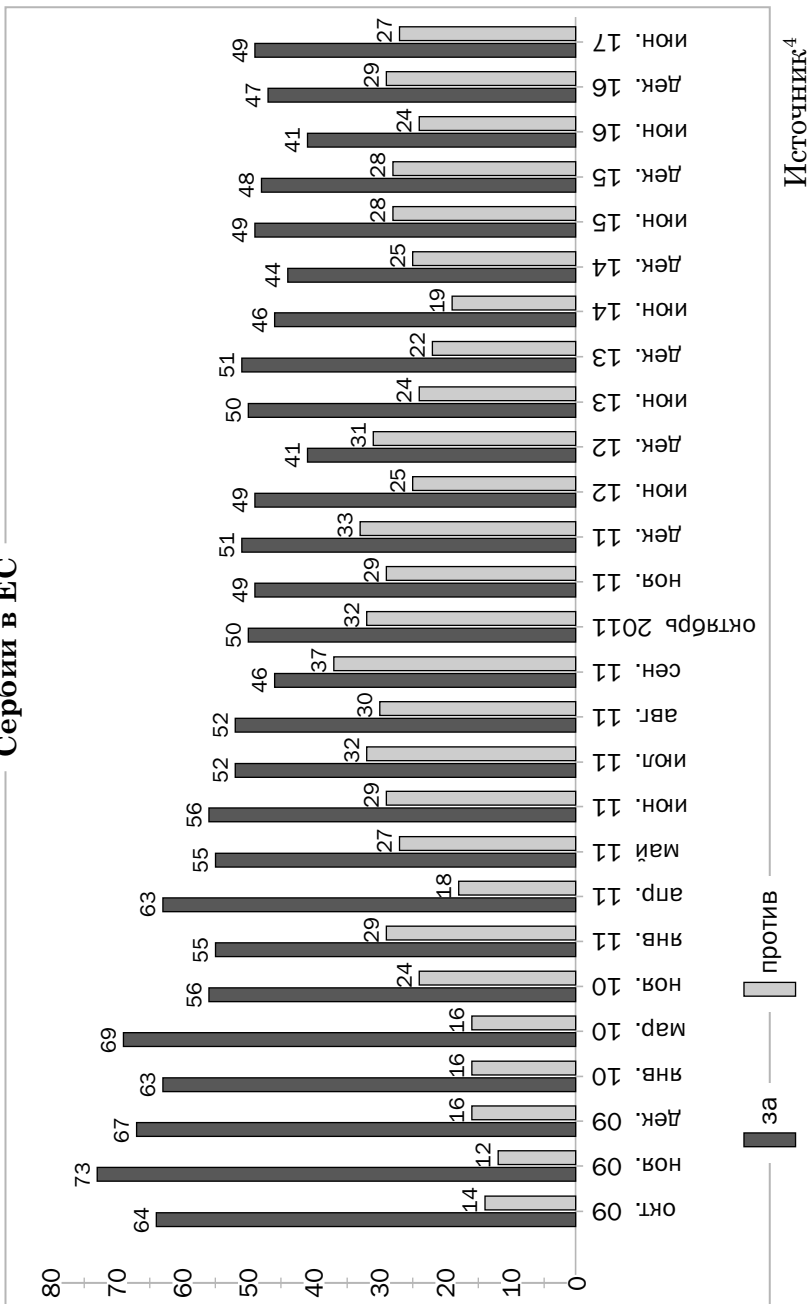
Мигрантский кризис 2015 г. стал дополнительным ударом по репутации ЕС в Сербии, оказавшейся на так называемом «балканском пути» людской волны (Греция — Македония — Сербия — Венгрия/Хорватия — Словения — Австрия — Германия). Всего в 2015 г. через Сербию прошли сотни тысяч мигрантов, 618.412 из которых подали первичный запрос на получение убежища на ее территории³, а лишь несколько тысяч осели в стране. Длительная и очевидная неспособность прежде всего Брюсселя и Берлина справиться с критической ситуацией, обострение внутренней напряженности в отношениях между бонзами ЕС и лидерами его восточноевропейской периферии, прежде всего Венгрии, а также неспособность Евросоюза оказать реальную помощь захлестнутым миграционной волной балканским странам — все это вызывало раздражение в адрес ЕС. Это раздражение усиливали попытки Венгрии и Хорватии прекратить прием мигрантов, что автоматически вело к росту миграционного давления на Сербию. Напряжение добавили проекты ряда евробюрократов о использовании балканских стран в качестве своего рода резервуара для размещения мигрантов и опасения того, что страны Западной Европы будут высылать лиц, получивших отказ в предоставлении убежища, на территорию стран, из которых они въехали на территорию ЕС.

В этих условиях начало в сентябре 2015 г. российской военной операции в Сирии было позитивно встречено в Сербии как шанс положить конец потоку беженцев и мигрантов и как новое подтверждение мощи и влияния дружественной державы.

Оценить масштаб и потенциал евроскептических настроений в Сербии можно на материале социологических опросов, проводившихся по заказу Канцелярии по европейской интеграции правительства Сербии (с 2017 г. — Министерства по европейской интеграции). Учитывая явную заинтересованность ведомства в прогрессе евроинтеграции

**Поддержка вступления
Сербии в ЕС**

Таблица 1

Источник⁴

■ за
■ против

страны, можно предположить, что оно никоим образом не стремилось завязать число противников этой политики. Поэтому эти данные могут, как минимум, продемонстрировать нижнюю границу распространения евроскептических взглядов в сербском обществе (табл. 1).

Анализ таблицы позволяет сделать ряд выводов: на протяжении периода 2009–2017 гг. отмечается процесс устойчивого снижения поддержки интеграции Сербии в ЕС — с пиковых 73 % в октябре 2009 г. до минимального уровня в 41 % (декабрь 2012 г. и июнь 2016 г.). Впервые поддержка идеи евроинтеграции опустилась ниже 50 % в конце 2011 г. и устойчиво находится ниже этой отметки с 2013 г.

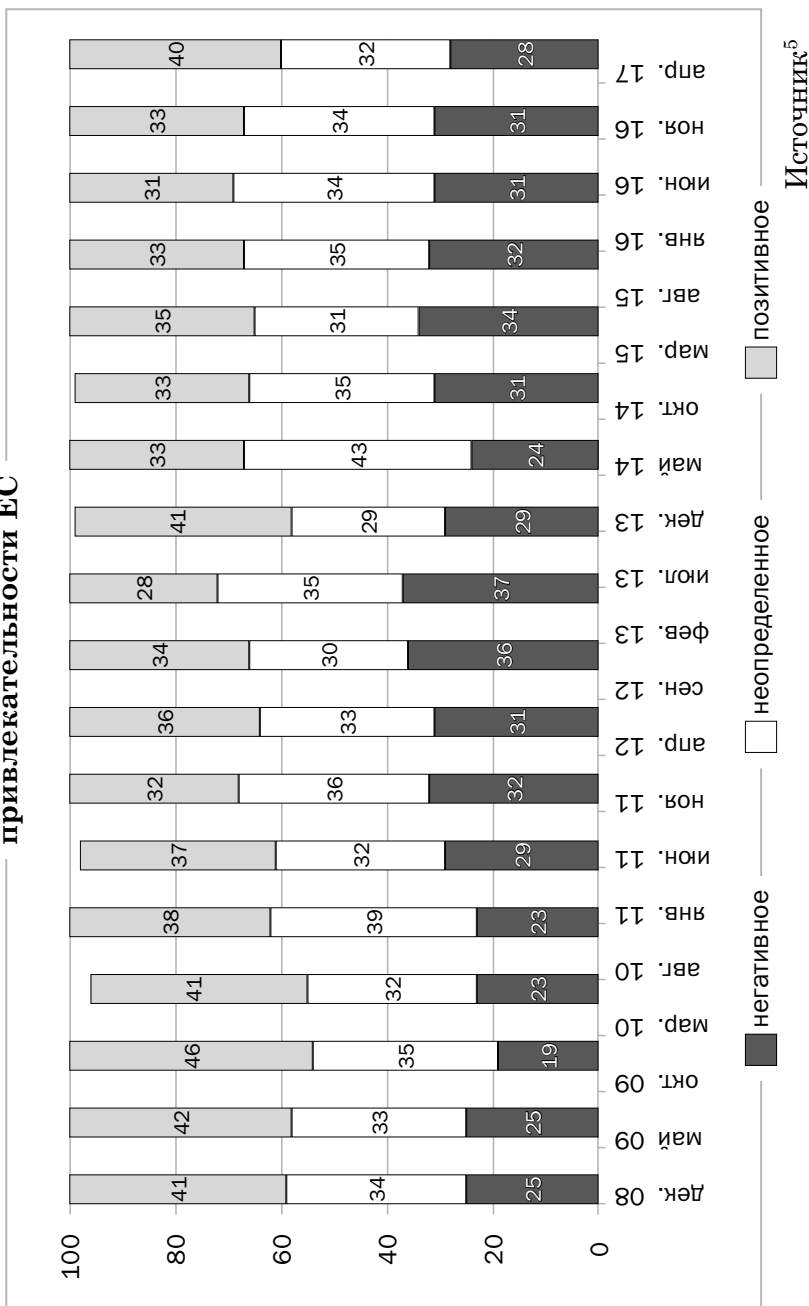
Одновременно росло число противников евроинтеграции — с 12–14 % в 2009 г. до более четверти респондентов в 2015–2017 гг. (27–29 %) с локальным пиком в 2011 г. (до 37 % в сентябре). При этом качественно уменьшился разрыв между сторонниками и противниками вступления в ЕС: если в 2009 г. он достигал 4,5–6 раз в пользу «проевропейцев», то в 2017 г. он сократился до 1,8 раза. Минимальных значений он достигал в сентябре 2011 г. (1,2 раза или 46 % к 37 %) и в конце 2012 г. (1,3 раза или 41 % к 31 %). Таким образом за рассматриваемый период неприятие ЕС от явного меньшинства расширилось в несколько раз и охватило заметную часть населения.

Эти данные вполне соответствуют архиву ответов на вопрос «Какую реакцию у Вас вызывает нынешнее состояние Евросоюза».

Приведенные в таблице 2 данные показывают устойчивое снижение доли еврооптимистов с более 40 % в 2009–2010 гг. (абсолютный пик — 46 % в октябре 2009 г.) к 31–33 % к концу 2016 г. с максимальным снижением до 28 % в июле 2013 г. Ниже 40 % этот показатель опустился уже в 2011 г. и поднимался до этого уровня лишь в декабре 2013 г. и в апреле 2017 г. Характерна также высокая доля неопределившихся — в период 2008–2017 гг. она колебалась в районе трети респондентов, с наименьшим показателем в 29 % (декабрь 2013 г.), и с пиками в 39 % (январь 2011 г.), 41 % (декабрь 2013 г.) и 38 % (июнь 2016 г.).

**Динамика восприятия
привлекательности ЕС**

Таблица 2

Негативное восприятие ЕС также устойчиво росло с 25% в 2008 г. до пика в 36–37% в середине 2012 — начале 2013 гг. с локальным снижением до 19% в конце 2009 г. Некоторое улучшение образа ЕС в 2013–2014 гг. (29–24% негативных ответов) сменилось ростом критических оценок в 2015–2016 гг. (31–34%).

Таким образом можно сделать ряд общих выводов о состоянии евроскептических настроений в современной Сербии:

- ▶ даже явно заинтересованное правительственное ведомство признает наличие в стране не менее 1/4–1/3 твердых противников вступления в Евросоюз при как минимум 1/4 неопределившихся;

- ▶ на протяжении 2008–2017 гг. наблюдается как устойчивое снижение доли сторонников евроинтеграции, так и нарастание доли ее противников при параллельном снижении позитивного восприятия состояния ЕС и росте негативных оценок;

- ▶ эти изменения в общественных настроениях происходили в условиях абсолютного доминирования проевропейского дискурса в основных национальных СМИ и в риторике основных политических сил страны, при фактическом отсутствии альтернативной точки зрения в СМИ (первые и весьма скромные попытки сформировать такую политическую альтернативу можно отметить лишь с 2014 г.);

- ▶ распространенность евроскептических настроений в сербском обществе не соответствует их представленности в выборных органах страны, что порождает неудовлетворенный спрос на евроскептические политические проекты.

Формально первым представителем евроскептиков на политической сцене страны была Сербская радикальная партия (СРП) Воислава Шешеля. После свержения С. Милошевича 5 октября 2000 г. и формирования правительства Демократической оппозиции Сербии (ДОС) СРП стала основным критиком новых властей. Партия, всегда выступая с антизападными позициями, критиковала и сближение с ЕС, выдвигая в качестве альтернативы ориентацию на Россию. При этом основная критика в риторике СРП на-

правлялась на США и НАТО, а ЕС особого внимания не уделялось, возможно, и из-за нежелания задевать популярную идею евроинтеграции.

Когда в феврале 2003 г. МТБЮ выдвинул обвинение против В. Шешеля, то лидер радикалов добровольно отбыл в Гаагу, что открыло новую веху в истории партии. Процесс по делу Шешеля тянулся долее других гаагских дел — почти на 12 лет, и лишь в конце 2014 г. суд первой инстанции вынес оправдательный приговор. Хотя «воевода» сохранил за собой пост председателя партии и продолжал управлять ею из следственной тюрьмы, но техническое руководство СРП перешло в руки его ближайших сотрудников Томислава Николича и генсека Александра Вучича. Партия продолжала оставаться крупнейшей оппозиционной силой Сербии. На президентских выборах 2004 г. и 2008 г. Т. Николич был главным соперником лидера Демократической партии Бориса Тадича, оба раза выходя во второй тур голосования и набрав 1 434 068 голосов (45,4%)⁶ и 2 197 155 (47%)⁷ соответственно. СРП также добивалась убедительных результатов на парламентских выборах (2004 г., 2008 г.). В 2007 г. практически реализовалось формирование правительственной коалиции вокруг СРП с участием Демократической партии Сербии (ДПС) Воислава Коштуницы и Социалистической партии Сербии (СПС) Ивицы Дачича, вставшего во главе партии С. Милошевича. Надежды радикалов наконец вернуться во власть, оставив оппозиционный статус, тем не менее, не оправдались. ДПС использовала сближение с ними для давления на своих привычных партнеров из ДП и, получив их согласие на создание коалиции и сохранение поста премьер-министра за В. Коштуницей, не пошла на формирование правительства с СРП.

После победы Б. Тадича на президентских выборах в феврале 2008 г. под лозунгом «И Косово, и Европа» последовала и победа ДП на досрочных парламентских выборах в мае того же года приведшая к формированию при активном участии послов США и Великобритании принципиально новой коалиции на основе ДП–СПС, неожи-

данно оттеснившей от власти «консервативных демократов» В. Коштуницы. Одним из следствий этого стала своего рода политическая реабилитация Западом «наследников С. Милошевича», которым наконец было позволено вернуться во власть в качестве, в том числе, и проевропейской партии. Следует отметить, что с 2008 г. социалисты И. Дачича участвуют во всех без исключения правительствах Сербии, сформированных самыми разными партийными коалициями.

Радикалы, рассчитывавшие после выборов на формирование коалиции СРП–ДПС–СПС, вновь были жестоко разочарованы, несмотря на полученный ими на выборах результат. Для руководства партии стало ясно, что они натолкнулись на своего рода «стеклянный потолок», обречены на роль «вечного второго номера» сербской политики. Пример социалистов наглядно показывал им, что единственным путем выхода из оппозиционного гетто была сделка с западными державами. В итоге еще одним результатом майских выборов 2008 г. стал раскол в СРП.

Летом–осенью 2008 г. основная часть руководства и актива СРП во главе с вице-председателем партии Т. Николичем и генеральным секретарем А. Вучичем заявили о пересмотре своих взглядов, отказе от радикального национализма, покинули партию и основали новую — Сербскую прогрессивную партию (СПП). Важным элементом этого реформирования явилось принятие новой партией проевропейской идеологии.

Прямым следствием этого раскола стал кризис СРП, сохранившей верность В. Шешелю, но лишившейся ведущей части руководства и актива в центре и на местах и начавшей терять поддержку избирателей. При этом основное внимание партии было переключено на «борьбу с предателями» и на поддержку судебной борьбы Шешеля с МТБЮ, зачастую не предлагая никакого ответа на актуальные политические вопросы и не выдвигая убедительной картины будущего.

Параллельно с этим активно развивалась СПП, уверенно вытеснявшая СРП с места ведущей оппозиционной

партии Сербии и готовившаяся к реальной конкуренции за власть с коалицией ДП–СПС. Важно отметить, что эту борьбу СПП вела уже в качестве проевропейской партии, принимаемой в том числе и в Брюсселе.

Первым крупным успехом экс-радикалов стала победа на парламентских и президентских выборах 2012 г. Т. Николич, наконец, заручился поддержкой 1.552.063 избирателей (49,54 % против 47,31 % у Б. Тадича) и осуществил свою мечту, став главой государства⁸. СПП стала лидером и на выборах в Скупщину, набрав 940.659 голосов (24,04 %) и получив 73 мандата. Прогрессисты не только обогнали ДП (863.294 и 22 % соответственно), но и вытеснили из парламента радикалов (4,61 %), потерявших 78 мандатов⁹.

Выборный успех вскоре получил продолжение, так как СПП смогла сформировать правительственную коалицию, перетянув на свою сторону партнеров ДП–СПС (14,54 % и 44 мандата), либералов из «Объединенных регионов Сербии» (5,51 % и 16 мандатов)¹⁰ и партии национальных меньшинств. Правительство возглавил глава социалистов Ивица Дачич, но реальная власть в нем принадлежала первому вице-премьеру А. Вучичу, занявшему также пост координатора служб безопасности. В политической истории Сербии завершился период доминирования «желтых» — Демпартии и в широком смысле наследников свергнувшей Милошевича коалиции ДОС; начался период господства «напредняков» (прогрессистов), а Бориса Тадича в роли политика «номер один» сменил Александр Вучич.

Смена правящих элит Сербии не встретила возражений со стороны Запада, более того, была во многом им санкционирована. США, Великобритания и ЕС и Германия рассчитывали получить в лице «перевоспитавшихся националистов» более покладистых партнеров, чем осторожный «западник» Тадич, не готовый идти на непопулярные уступки по косовской проблеме (в том числе из-за опасений нападок патриотической оппозиции). Преимущество «напредняков» заключалось как в том, что именно они до того момента и составляли основу этой патриотической оппозиции, сохранив за собой патриотический

электорат, но у них проблемы «критики справа» не было, так и в стремлении получить признание Запада, в том числе ЕС, и ведущих европейских держав в качестве респектабельных партнеров.

«Напредняцкий» период в новейший политический истории Сербии (с середины 2012 г.) характеризуется монополизацией политической власти СПП и лично ее лидером А. Вучичем. Эта монополизация усиливалась и параллельным кризисом ряда основных партий страны, что объективно лишило СПП реальной конкуренции на сербской политической сцене. Помимо нокаута СРП, не смогла сохранить единство потерявшая власть Демократическая партия, от которой отделились и ее экс-председатель Б. Тадич (возглавил Социал-демократическую партию Сербии), и представитель страны на технических переговорах с Приштиной Б. Стефанович (Левица Сербии), а остатки недавно ведущей партии страны прочно прописались вблизи парламентского барьера. При этом значительное число активистов ДП переходили в победившую СПП, частично размывая изначально «радикальное» ядро актива этой партии. Продолжилось и падение популярности ДПС.

В конце 2014 г. В. Шешель триумфально вернулся из Гааги после 11-летнего пребывания в тюрьме МТБЮ. Трудная борьба в поистине кафкианских условиях завершилась поражением трибунала, ставшем одним из немногих сербских успехов в Гааге.

Однако возвращаться победителю пришлось на политическое пепелище — хотя страной руководили его многолетние ближайšie соратники (президент Т. Николич и премьер-министр А. Вучич), но дело его жизни — Сербская радикальная партия — находилась на издыхании. Раскол 2008 г., уход практически всего руководства и актива вместе с Николичем и Вучичем в СПП, стремительное падение рейтинга партии, дважды подряд не прошедшей в Скупщину (180.558, или 4,61 % голосов в 2012 г.¹¹ и 72.303, или 2 % в 2014 г.). После катастрофы на выборах 2014 г. из СРП началась новая волна исхода функционеров в стан победителей.

Политическая практика Сербии предполагает крайнюю заинтересованность партий как в прохождении в представительные органы власти (за счет прямого бюджетного финансирования парламентских партий), так и в любых формах участия в формировании правящих коалиций как на общегосударственном, так и на местных и муниципальных уровнях власти. С учетом прочной практики т.н. «партийного трудоустройства» сначала на руководящие посты, а затем и практически на любые должности в государственных учреждениях, государственных и муниципальных предприятиях («от министра до швейцара», как невесело шутят сами сербы), а также в условиях переживаемого страной экономического кризиса и хронической безработицы, резко повышающих привлекательность трудоустройства в госсекторе, для партийного актива результат на выборах зачастую куда важнее идеологических проблем.

Этот фактор привел к формированию такого прочного явления сербской политической жизни как «перелеты», когда после неудач какой-либо партии ее активисты переходят в ряды более успешного конкурента в расчете на сохранение своего положения. На протяжении первого десятилетия XXI в. центром притяжения «перелетов» выступала правившая тогда Демократическая партия, в которую, в частности перешли ряд политиков из рядов ДПС. После формирования в 2008 г. СПП эрозии подверглась, в первую очередь СРП, а после победы СПП на выборах 2012 г. и, особенно, формирования «прогрессистами» правящей коалиции в том же году начинается новая волна «перелета», теперь уже из всех политических партий, как «национальных» (СРП, ДПС), так и «прозападных» (ДС, Г-17+ и т.п.). При этом экс-радикалы имели бонус за счет многолетних связей со своими бывшими коллегами из руководства СПП, что в сочетании с прогрессирующим осыпанием позиций партии вело к ускоренной эрозии СРП. Партия лидерского типа, жестко привязанная к личности В. Шешеля, а с момента его заключения в Гааге — к Т. Николичу и А. Вучичу как его ближайшим представителям,

просто не имела в своих рядах сколько-нибудь харизматичных и самостоятельных политиков. Практика «телефонного управления» из тюрьмы МТБЮ позволяла Шешелю сохранять контроль над остатками партии, но не могла предотвратить стремительную потерю ее популярности.

В. Шешель практически сразу же по возвращению занялся реанимацией СРП, пользуясь для этого любой возможностью. Достаточно быстро определились приоритеты его риторики — основным нападкам он подвергал президента Николича, при заметно более мягких оценках располагавшего тогда наибольшей реальной властью премьер-министра А. Вучича, и С. Рашкович-Ивич и ДПС. В последнем случае речь явно шла о жесткой конкуренции за голоса «патриотов», которым адресовалась утрированно пророссийская и антизападная риторика и обвинения Рашкович-Ивич в неискренности ее патриотических и пророссийских заявлений. Акцент на критике президента Николич обеспечил Шешелю доступ в СМИ, прочно контролировавшимся премьером Вучичем.

«Возвращение на экраны», наряду с активизацией работы на местах и, разумеется, с личной харизмой природенного оратора, усиленной ореолом «победителя Гааги» начало приносить плоды.

Важным раздражителем в отношении общественного мнения к ЕС стало продвижение ЛГБТ-тематики в рамках обеспечения равноправия на пути евроинтеграции и, в частности, проведение в Белграде по требованию Брюсселя гей-парадов. Формой реакции стал рост популярности изначально связанного с Сербской православной церковью (СПЦ) движения «Двери» (серб. — алтарные врата), проводившего свои демонстрации в форме «семейных прогулок» и акцентировавшего «традиционные семейные ценности». Движение возникло вокруг основанного в 1999 г. одноименного журнала студентов Философского факультета Белградского университета. В 2003 г. была создана первая НГО — «Сербский собор Двери», а после активного участия в протестах против проведения в Белграде гей-парадов (2009 г. и 2010 г.) в 2011 г. движение перешло к

участию в политике (под названием «Движение за жизнь Сербии»). На парламентских выборах 2012 г. оно получило 169.590 голосов (4,33%), приблизившись к 5%-ному проходному барьеру, а кандидат движения на проводившихся тогда же президентских выборах В. Глишич набрал заметно меньше голосов — 108.303 или 2,77%¹². При этом в Воеводине, где «Двери» выступили под названием «За сербскую Воеводину», они добились несколько лучшего результата — 4,56%.

Политический дебют «Дверей» был вполне успешным — движение вплотную приблизилось к проходному барьеру, выделившись из среды внепарламентских общественных групп, и рассчитывало на вхождение в Скупщину в следующем избирательном цикле. Ему также удалось получить 46 мандатов в местных органах власти.

На досрочных парламентских выборах 2014 г. «Двери» не только не улучшили, но и потеряли больше четверти голосов — их поддержали лишь 128.458 избирателей (3,58%)¹³.

Парадоксом парламентских выборов 2014 г. стало непрохождение в Скупщину всех «национальных» или евроскептических партий — кроме «Дверей», ниже проходного балла набрали радикалы (72.303, или 2%) и ДПС (152.436 голоса, или 4,24%)¹⁴. Таким образом, разделение евроскептиков на три колонны не только оставило их вне парламента, но и лишило представительства почти 10% избирателей Сербии, поддержавших их, несмотря на мощную пропагандистскую кампанию партии власти, ее партнеров и прежнюю партию власти.

Исход выборов 2014 г. привел к переменам в ДПС — основатель партии, президент Югославии в 2000–2003 гг. и премьер Сербии в 2004–2008 гг. Воислав Коштуница взял на себя ответственность за потерю партией парламентского статуса (впервые после свержения С. Милошевича в октябре 2000 г.) и ушел в отставку. Новым лидером ДПС стала дочь лидера сербского национального движения в Хорватии рубежа 1980–90-х гг. Йована Рашковича Санда Рашкович-Ивич, экс-посол Сербии в Италии, пос-

тавившая задачу вернуть партию в Скупшину. Одним из средств реанимации партии стала актуализация ее политической доктрины — от дорогого В. Коштунице акцента на «суверенизм» и «защиту международного права», малопонятных массовому избирателю и почти полному отсутствию позиции по основным жизненным проблемам Рашкович-Ивич перешла к открытой критике ЕС и к пророссийской политике. Так, в 2014–2015 гг. ДПС поддержала вхождение Крыма в состав России, делегации партии посещали Крым и Севастополь, партия осуждала действия властей Украины против повстанцев Донбасса. ДПС последовательно выступала также с критикой уступок правительства по Косову, против сближения Сербии с НАТО, за всемерное развитие сотрудничества с Россией, за участие страны в «альтернативных моделях» интеграции, таких как БРИКС, ЕАЭС. ДПС также критиковала как саму идею неизбежности евроинтеграции, указывая на проблемы ЕС и подчеркивая вероятность распада этой структуры, так и отсутствие явной перспективы приема Сербии в Евросоюз.

Фактически С. Рашкович-Ивич удалось превратить ДПС в центр притяжения недовольных «еврофанатизмом» властей, прежде всего из среды патриотической интеллигенции, а также и из низового актива. К числу успехов ее команды следует отнести способность к альянсам, приведшую к сближению с движением «Двери».

На очередные досрочные парламентские выборы весной 2016 г. сербские евроскептики выдвигались тремя основными группами:

- ▶ СРП В. Шешеля;
- ▶ коалиция «ДПС–Двери»;
- ▶ малые партии, в разной степени лояльные правящей

СПП, такие, как отколовшаяся от «Двери» «Третья Сербия» М. Паровича, молодежное движение «Заветники» и т.п.

Рост рейтинга ДПС вызвал жесткую реакцию как властей, так и ее ближайшего конкурента в «национальном сегменте» — допущенных в национальные СМИ радикалов В. Шешеля. Поэтому в парламентской кампа-

нии 2016 г. именно коалиция «ДПС–Двери» подвергалась концентрированным пропагандистским ударам как СПП («слева»), так и СРП «справа».

В итоге на выборах 24 апреля 2016 г. «евроскептики», или «патриоты», вошли в Скупшину двумя основными фракциями: Воислав Шешель воскресил из пепла свою партию, учетверив результат 2014 г. и получив 306.052 голоса (8,10%) и 22 мандата, а коалиция «ДПС–Двери» набрала 190.530 (5,04%), заручившись 13 мандатами¹⁵. Примечательно, что изначально республиканская избирательная комиссия утверждала, что этой коалиции не хватило одного (!) голоса для прохождения 5%-ного барьера, но после кампании протестов ряда оппозиционных партий все-таки пошла на пересчет. Движение «Заветники» набрало лишь 27.390 голосов (0,73%)¹⁶ и в Скупшину не прошло.

Парадоксальным результатом выборов явился внутренний кризис в ДПС по вопросу о допустимости участия в коалициях с СПП в местных органах власти. Его итогом стал выход из партии ее председателя С. Рашкович-Ивич и группы видных активистов, включая лидера косовского отделения М. Якшича и С. Ристича (депутата Скупщины Сербии), а также Д. Трифкович. Скандал привел не только к распаду парламентской фракции ДПС (из партии вышли 4 из 6 депутатов), но и к серьезному падению популярности: на президентских выборах 2017 г. возглавивший ДПС Александр Попович набрал лишь 38.167 голосов (1,04%).

На фоне саморазрушения ДПС единственной, кроме СРП, евроскептической парламентской партией в Сербии остались «Двери», но и они заметно пострадали от информационных ударов как правящей СПП и ее партнеров, так и СРП, о чем говорит весьма скромный результат Бошко Обрадовича на президентских выборах 2017 г.: 83.523 голоса, или 2,29%. Примечательно, что медийная и парламентская активность не принесли особых плодов и самому Шешелю, получившему лишь 163.802 бюллетеня (4,48%). При этом пародийного протестного кандидата «Белого прелетачевича» (Лука Максимович) поддержали вдвое больше (!) граждан Сербии — 344.498 (9,43%)¹⁷.

Таким образом, для современной сербской политики характерен парадокс — отсутствие адекватного политического представительства в парламенте страны евроскептических или антиЕСовских настроений.

Очередным проявлением этого парадокса стали парламентские выборы 24 апреля 2016 г. Хотя опросы фиксируют евроскептицизм на уровне до 40 %, но в Скупшине партии этого направления (СРП, «ДПС–Двери») в сумме получили лишь 35 мест (7 %).

При том, что в парламент помимо СРП прошел было евроскептический блок Демократической партии Сербии и движения «Двери», сторонники тогдашнего премьера Сербии А. Вучича (с мая 2017 — президент страны) вызвали внутренний кризис в ДПС, приведший осенью 2016 г. к смене руководства партии и развалу партийной фракции в Скупшине. *Тем не менее, фундаментальный спрос на евроскептическую политику в Сербии остается, и нет никаких причин, чтобы он не проявился и на следующих парламентских выборах.*

Собственно, только высокомерной политикой Евросоюза можно объяснить парадокс формирования в естественно проевропейской Сербии мощных евроскептических настроений. В стране накопилась усталость от бесконечного ожидания на пути интеграции, и многие потеряли надежду на принятие в ЕС.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историјат односа Србије и ЕУ// <http://www.mei.gov.rs/src/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>.

² Историјат односа Србије и ЕУ// <http://www.mei.gov.rs/src/srbija-i-eu/istorijat-odnosa-srbije-i-eu/>.

³ Република Србија. Министарство унутрашњих послова. Кабинет министра. № 01-9340/17-2 от 20.10.2017.

⁴ Република Србија Министарство за европске интеграције. Европска оријентација грађана Србије. Испитивање јавног мишљења (јун 2017 године). http://www.media.srbija.gov.rs/medsrp/dokumenti/evropska_orijentacija_gradjana_srbije0617_cyr.pdf. С. 4.

⁵ Република Србија Министарство за европске интеграције. Европска оријентација грађана Србије. Испитивање јавног мишљења (јун 2017 године). http://www.media.srbija.gov.rs/medsrp/dokumenti/evropska_orijentacija_gradjana_srbije0617_cyr.pdf. С. 7.

⁶ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за председника Републике Србији одржани 13.06. и 27.06.2004. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/predsednik/2004/5.%202004%20publikacija%20rzs.compressed.pdf>. С. 111.

- ⁷ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за председника Републике Србији одржани 20.01. и 03.02.2008. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/predsednik/2008/5.%202008%20publikacija%20rzs.compressed.pdf>. С. 61.
- ⁸ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народне посланике Народне Скупштине Републике Србије и за председника Републике. Мај 2012. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/predsednik/2012/5.%202012%20publikacija%20rzs.compressed.pdf>. С. 81.
- ⁹ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народне посланике Народне Скупштине Републике Србије и за председника Републике. Мај 2012. ... С. 9.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народни посланике Народне Скупштине Републике Србије. 16 март 2014. ... С. 9.
- ¹² Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народне посланике Народне Скупштине Републике Србије и за председника Републике. Мај 2012. ... С. 9, 51.
- ¹³ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народни посланике Народне Скупштине Републике Србији. 16 март 2014. Београд, март 2014. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/arhiva/poslanici/2014/3.%20Publikacija%20statistike%202014%20np%20rzs.pdf>. С. 9.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори за народни посланике Народне Скупштине Републике Србији. Април 2016. Београд, мај 2016. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/izbori-2016/rezultati/izbori%20za%20no2016.pdf>. С. 9.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Република Србија — Републички завод за статистику. Избори председника Републике Србије Април 2017. <http://www.rik.parlament.gov.rs/doc/izbori-2017/dokumenta/izbori%20za%20predsednika%202017.pdf>. С. 9.